

Юрина Марина Анатольевна

ЧЕРТЫ НЕОРОМАНТИЗМА В "СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЕ" Ю. РЫТХЭУ "КОГДА КИТЫ УХОДЯТ"

В статье рассматривается ещё не изученная в современном литературоведении проблема влияния на Ю. Рыхэу ранних произведений А. М. Горького и традиций писателей-неоромантиков: основу повести "Когда киты уходят" составляет экзотический сюжет; в центре повествования - героические, неординарные личности, воссозданные по правилам романтического искусства. Велика в произведении роль антитезы, образов-символов, налицо ярко выраженные аллегоричность и фантастичность повествования. Собственно же неоромантические черты воплотились у северного писателя в своеобразном переплетении, слиянии романтического и реалистического, в создании особого мифологического пространства, существующего вне конкретных географических и исторических границ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 214-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Клајн И. Речник језичких недоумица. Београд: Српска школска књига, 2004. 268 с.
8. Лебедева Г. Ф. Изучение желательного значения форм сослагательного наклонения в простом предложении // Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. университета, 1965. С. 189-208.
9. Московљевић М. С. Речник савременог српског књижевног језика с језичком саветником. Београд: Гутенбергова галаксија, 2000. 875 с.
10. Недич Е. Итеративная множественность в русском, сербском и македонском языках // Сборник МС за славистику. Нови Сад, 2012. Св. 81. С. 139-174.
11. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: справоч. изд-е / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. – Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
12. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска и Матица Хрватска, 1976. Књ. VI. 1038 с.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. М.: Образование-Педагогика, 1989. Т. 2. 322 с.
14. Стевановић М. Савремени српско-хрватски језик (Грамматички системи и књижевно-језичка норма). Београд: Научна књига, 1979. Т. II. Синтакса. 942 с.
15. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
16. Ђосип П. и сарадници. Речник синонима. Београд: Корнет, 2008. 712 с.
17. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
18. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 605 семантических групп: более 16500 слов и устойчивых выражений. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2003. 768 с.
19. Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M. Hrvatska gramatika. Zagreb: Školska knjiga, 1997. 683 s.
20. Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika: Nacrt za gramatiku. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1986. 529 s.
21. Lalević Miodrag S. Sinonimi i srodne reči srpskohrvatskoga jezika. Beograd: Sveznanje, 1974. 1111 s.
22. Marković I. Hrvatske koordinativne složenice // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 36/1. Zagreb, 2010. S. 71-95.
23. Vuković J. Sintaksa glagola. Studije. Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika, 1967. 417 s.

ХОТЕТЬ – ЖЕЛАТЬ VS ХТЈЕТИ – ЖЕЛЈЕТИ: PROBLEM OF SYNONYMIC LINE

Shcherbakova Mariya Ivanovna
St. Tikhon's Orthodox University
peripetija@mail.ru

The article examines the basic principles for distinguishing synonyms of the verbs *хотеть* – *желать* vs *хтјети* – *желјети* in the Russian and Serbo-Croatian languages. The researchers introduce various criteria for combining the verbs into a group with a meaning “to have a wish / to need” for which reason the analyzed verbs form the semantic chains different in their structure and quantity of links. The term “Serbo-Croatian language” in the paper presupposes the unity of Serbian and Croatian languages in relation to linguistic analysis.

Key words and phrases: Russian language; Serbo-Croatian language; synonyms; dictionaries of synonyms; predicates with a meaning of wish.

УДК 82 (091)

Филологические науки

В статье рассматривается ещё не изученная в современном литературоведении проблема влияния на Ю. Рытхэу ранних произведений А. М. Горького и традиций писателей-неоромантиков: основу повести «Когда киты уходят» составляет экзотический сюжет; в центре повествования – героические, неординарные личности, воссозданные по правилам романтического искусства. Велика в произведении роль антитезы, образов-символов, налицо ярко выраженные аллегоричность и фантастичность повествования. Собственно же неоромантические черты воплотились у северного писателя в своеобразном переплетении, слиянии романтического и реалистического, в создании особого мифологического пространства, существующего вне конкретных географических и исторических границ.

Ключевые слова и фразы: литературная традиция; неоромантизм; жанровая специфика; повесть-легенда; романтические образы; мифологическая модель времени; аллегоричность сюжета.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет
frigg@maglan.ru

ЧЕРТЫ НЕОРОМАНТИЗМА В «СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЕ» Ю. РЫТХЭУ «КОГДА КИТЫ УХОДЯТ»©

Проблемы неоромантизма неоднократно освещались в работах современных исследователей, определивших основные черты этого явления. Многие теоретики литературы связывают неоромантизм с возвратом, повторением в новом искусстве собственно романтических традиций. Как полагает, например, Н. Т. Пахсарьян,

«в широком смысле неоромантизм – комплекс течений в культуре конца 19 – начала 20 в., характеризующийся своеобразным возрождением романтических настроений начала 19 в.» [6, с. 38]. Однако, говоря об традиционных истоках неоромантизма, известный исследователь зарубежной литературы В. А. Луков называет и его ведущую отличительную черту – неразрывную связь с реальным, обыденным миром: «Неоромантики верили в сильную, яркую личность, они утверждали единство обыденного и возвышенного (мечты и действительности)» [5, с. 388].

Неоромантизму свойственны и такие специфические черты как экзотичность и аллегоричность сюжетов; опора на мифологическую модель времени; обращение к мифологизированным архетипическим образам; очевидное присутствие персонафицированного идеала, некоей героической личности, стоящей в центре повествования. Нередко произведения неоромантиков имеют трагическую развязку, связанную с особой интерпретацией философских категорий времени и вечности. По словам И. В. Васильевой, «для неоромантиков очень важна концепция вечной войны двух начал – памяти и забвения – в душе человека» [1, с. 189]. И хотя выводы исследователей делаются преимущественно в отношении зарубежной литературы, думается, они применимы также для характеристики художественных исканий наших отечественных писателей, и не только рубежа XIX-XX веков, но и гораздо более позднего времени.

Творчество Ю. С. Рытхэу давно ассоциируется у современного читателя не только с литературой чукотского народа, но и культурой всей России, внёсшей значительный вклад в мировой литературный процесс и, в свою очередь, впитавшей в себя лучшие достижения всеобщей художественной культуры. Искания неоромантиков как начала XX века, так и его второй половины не могли не отразиться на произведениях северного писателя. При этом надо признать, что сам Ю. Рытхэу, вероятно, шёл по пути усвоения традиций неоромантизма не намеренно, не произвольно, а интуитивно, опираясь лишь на общие культурные тенденции времени. Сила его художественного дара заставляла выбирать для произведений форму, наиболее адекватную их содержанию. Это касается, например, его знаменитого романа «Сон в начале тумана» (1969) [9], в котором обнаруживается как возвращение к идеям руссоизма, так и неоромантическое изображение судьбы героической личности, являющейся своего рода идеалом для современников писателя.

В гораздо большей степени художественные искания Ю. Рытхэу, созвучные неоромантизму, проявились в «современной легенде» «Когда киты уходят» (1975), органично вписавшейся в общий поток отечественной экологической философской прозы 70-х годов XX века. Неоромантические тенденции в этом произведении, видимо, обусловлены как общими особенностями движения литературы того времени, так и, возможно, тяготением писателя к традициям Горького-романтика, которого сам Ю. С. Рытхэу считал своим литературным учителем. Известна, например, статья чукотского прозаика в журнале «Новый мир», в которой прозвучало признание в том, что автобиографическая трилогия М. Горького повлияла на замысел «Времени таяния снегов» [10, с. 243]. Исследователи отмечали преимущественно воздействие зрелых работ русского писателя на формирование художественной индивидуальности Ю. Рытхэу [2; 7; 12]. Однако ещё не изучено влияние на чукотского автора иной тенденции горьковского творчества.

Сопоставление горьковских романтических рассказов и повести «Когда киты уходят» убеждает нас в генетическом родстве этих произведений. Прежде всего, обратим внимание на жанровое своеобразие «современной легенды» «Когда киты уходят». Жанр произведения определён самим автором неслучайно. Этим подчёркивается не только легендарность героев, их исключительность и некая образцовость, но и делается акцент на определённых вечных ценностях и категориях, не теряющих своей значимости и глубины в современную эпоху. В центре повествования – воплощённая в образе прародительницы человеческого и китового племён Нау любовь, порождающая жизнь и защищающая родство всего сущего, в веках сохраняющая свет памяти о себе, порой страдающая, осуждаемая и презираемая, но всегда верная своим детям – и людям, и животным. Смерть героини наступит вследствие полного забвения людьми родственных связей с природным миром и является грозным предвестником будущей катастрофы человечества. Свообразие жанра повести-легенды, возможно, восходит к горьковским традициям: достаточно вспомнить, например, о легендарных героях «Старухи Изергиль» русского писателя.

Однако одно из ведущих жанровых отличий произведений двух авторов состоит в том, что основой повести Ю. Рытхэу является, прежде всего, не просто сказание о героях, а миф о сотворении людей и животных. В произведении передаются тотемические представления древнего народа о прародителе рода – ките. В этом отношении Нау и Рэу выступают уже не только как легендарные личности, но и как герои мифологические: они приобретают едва ли не космогоническое значение, являясь создателями рода людей и их братьев китов.

В то же время тотемический миф трансформируется писателем, приобретая большую глубину. Автор «современной легенды» в самом её начале акцентирует внимание читателя на некоей интуитивности, неосознанности возникновения самой любви как основы жизни и фиксирует мысль о постепенности процесса приобретения людьми разума и самосознания. Возникшая как бы из ниоткуда Нау вначале не ощущает себя человеком, она, как подчёркивает автор, «не задумывалась, чем отличается от жителей земных нор, от гнездящихся в скалах, от ползающих в траве» [8, с. 6]. Героиня является воплощением самой природы, пока ещё себя не осознающей, бесстрастной, относящейся «одинаково ровно и спокойно» «ко всему, что она видела», чувствующей себя «частью этого огромного мира, живого и мёртвого, сверкающего и тонущего во мгле...» [Там же, с. 7]. И лишь внезапное сильное влечение к киту Рэу пробуждает её самосознание, делает героиню человеком: «Будто она только что проснулась... и как будто заново видела небо, синее море, холмы с зелёными травянистыми склонами...» [Там же, с. 8]. Так, по Ю. Рытхэу, любовь становится не только первопричиной возникновения рода, но и формирует разумное начало. Мифологическая основа придаёт произведению философскую масштабность и тем самым сближает его с исканиями неоромантиков XX века.

Эта тенденция находит своё подтверждение и в ходе дальнейшего развития сюжета, представляющего своего рода историю человеческой цивилизации. Перед нами разворачивается некая мифологическая модель времени, популярная у неоромантиков. Следует отметить, что такая модель была особенно господствующей

во многих литературных произведениях Северо-Востока России, что, видимо, обусловлено самим колоритом северной тематики. Достаточно вспомнить, например, знаменитую «Территорию» О. М. Куваева, да и ранние произведения прозаика отличались определённой мифологизацией как места, так и времени действия, о чём писал, например, исследователь творчества этого автора Р. В. Епанчинцев [4, с. 31-34].

Ю. С. Рытхэу в своей «современной легенде» не просто повествует о духовном развитии человечества, но и мифологически трансформирует его историю, делая акцент лишь на тех этапах, которые характеризуют отход человечества от незыблемых принципов единства мира, постепенный разрыв связи между людьми и миром природы, потерю идеи всеобщего братства и любви. Автор последовательно обозначает эти ступени – от зачатков разума и самосознания, поисков истины и смысла жизни до полной духовной деградации, грозящей всему живому; от неразрывного единства с природой до идеи её уничтожения в угоду людям.

Жизнь молодой семьи Рэу и Нау в этом смысле можно оценить как начало, зарождение цивилизации. Кит Рэу не только пробуждает любовь, создавшую человека, но и сам становится им. В холодную зиму он строит жилище, изобретает орудия труда и охоты, а Нау шьёт одежду из шкур. Зарёй человечества видится автору первая весна, пришедшая в семью героев: «Пройдёт время, – задумчиво говорил Рэу, – и рядом с нашей хижиной вырастут другие жилища, и род людей, который мы начали, распространится по морскому побережью...» [8, с. 18]. Нау и Рэу ещё неотделимы от природного мира, почти полностью сливаются с ним, и такая жизнь представляется автору идиллией, полной гармонии и любви, где «киты и люди – один народ». Недаром именно с этим временем ассоциируется у писателя и возникновение песенного творчества, возвеличивающего единство всего сущего.

После смерти Рэу едва ли не единственной носительницей памяти об этом остаётся Нау. Хозяевами земли становятся её потомки, всё больше отдаляющиеся от природы и всё чаще забывающие легендарное прошлое. В эпоху мыслителя Эну возникают религия и философия, во времена молодого путешественника Кляу люди тянутся к открытию мира и научным изысканиям, в бытность сомневающегося Гиву зарождаются зачатки медицины, и всё явственней проявляется презрение потомков Нау к её рассказам о прошлом. Так в произведении возникает тема соотношения времени и вечности, ставится ведущая проблема памяти и забвения, что часто наблюдается и в творчестве неоромантиков.

Симптоматично, что сам процесс увядания и старости Нау связан с темой веры и безверия, с тем, как люди относятся к её рассказам, а смерть героини обусловлена страшным преступлением Армагиргина, убившего брата-кита. В этом смысле она аллегорически обозначает гибель основ жизни, любви, ведущих человеческих качеств – совестливости и справедливости, добра и сострадания. Аллегорически смерть Нау предвещает и страшную катастрофу – разрушение основ существования мира. Аллегорическим является и завершение произведения – сцена, когда на месте убитого кита люди обнаружили труп человека, а сами киты ушли, оставив лишь пустоту и безмолвие. Аллегоричность трагического финала, да и самого сюжета также сближает «современную легенду» с произведениями неоромантиков.

При этом в произведении Ю. Рытхэу также соблюдается и один из главных принципов неоромантизма – связь собственно романтического и обыденного, мечты и реальной действительности. При всей приподнятости повествования, экзотичности и поэтичности мифологического сюжета «современная легенда» наполнена правдивыми, реалистическими описаниями и характеристиками. Причём это касается не столько обилия представленного в повести этнографического материала, сколько достоверности показа характеров, человеческих чувств и размышлений. В целом правдивая история рода в произведении основана на жизни в человеческой памяти мифа, реальная действительность тесно сопрягается с фантастическими образами, мифологическими параллелями. Перед нами мир, где человек превращается в животное и обратно, где существуют невидимые голоса духов и сами они могут вдруг предстать в обличье маленьких существ-рэккэнов, везущих на своих санках болезнь...

Герои «современной легенды» – личности истинно романтические, яркие, неординарные. Причём это касается не только Нау и Рэу, но также их потомков – Эну, Кляу, Гиву и Армагиргина, характер которого, кстати, создан в соответствии с традициями Горького-романтика. Рытхэу выписал своего героя такими же яркими красками, как Горький своего «красивого и сильного» Ларру. Армагиргин тоже «сильный, красивый, высокий, с громким голосом, от которого рябилась спокойная вода на лагуне...» [Там же, с. 75]. Даже в синтаксическом построении описаний действий героя, персонифицирующего зло, Рытхэу вторит Горькому, используя прием инверсии. Сравним, например, ритм повествования о Ларре («Он засмеялся и пошел, куда захотелось ему...» [3, с. 52]) и об Армагиргине, который смеялся над добрыми людьми «и при этом говорил и хохотал громко» [8, с. 75]. Сближает образы двух героев и прием гиперболы, подчеркиваемый использованием союза «так что». Ларра встал на грудь отвергнувшей его девушки «так, что из её уст кровь брызнула к небу...» [3, с. 52]. Армагиргин, убив последнего моржа на побережье, крикнул «так громко и победно, что с соседних скал поднялись тысячные стада гнездящихся птиц» [8, с. 76]. Также перед нами герой однозначный, статичный – классический образец романтического злодея.

Однако другие персонажи произведения, в целом положительные, близкие автору, далеко не так однолинейны. Их характеры сложны, на протяжении повествования такие герои, ошибаясь и сомневаясь, изменяются. Они являются одновременно и носителями некоей аллегорической тенденции, и воплощением того или иного периода мифологической истории, и реальными людьми. Неслучайно большая часть повести посвящена теме поисков истины, когда велика роль возникающих в сознании ведущих персонажей неоднозначных вопросов, размышлений, передающихся в канве повествования с помощью развёрнутой несобственно-прямой речи. Всё это придаёт произведению психологическую достоверность – создаётся особое пространство человеческой души, духовных поисков. Так, например, обширен, полон вопросов, восклицаний и предположений монолог Эну, размышляющего о сущности мироздания, загадочности и красоте земли, морской пучины и звёздного неба, об истоках вечной жизни Нау: «Сколько живёт на земле Нау? Или она

вечна, как скалы, холмы и скалистые берега? Ведь она состарилась... Значит, жизнь и время накладывали на неё свой отпечаток. Если она помнит время первых людей, то как же она стара...» [Там же, с. 36]. Так в сознании Эну возникает мысль о парадоксальности сочетания в Нау вечного, бессмертного начала и её старости, делающей героиню обыкновенной, реальной женщиной. Эта загадка будет мучить Эну едва ли не всю его жизнь. Она же станет предметом размышлений других героев и источником их сомнений.

Необычно совмещение в образе главной героини вечного начала, внутренней гармонии с внешним обликом старой, увядшей женщины – такое эстетическое противоречие в её описании напоминает образ горьковской героини Изергиль. Женщины когда-то прекрасные, созданные для любви, большей частью рисуются писателями дряхлыми, внешне безобразными. Однако если героиня А. М. Горького – обыкновенная женщина, потратившая жизнь на бесплодные поиски собственного счастья и от этого превратившаяся в некое подобие смерти с её «чёрными ямами» вместо щёк, «сморщенным носом» и «сухими потрескавшимися губами», то Нау Ю. Рытхэу – воплощение Матери-Природы, охраняющей своих детей от сил смерти. И потому она живёт до тех пор, пока существует уважение к силам мироздания. Её внешние дряхлость и безобразие – результат не поисков личного благополучия, а жертвенности. Став человеком на пороге рождения рода, она приобретает истинно человеческие качества, становится обыкновенной стареющей женщиной. Тем самым, будучи героиней романтической, воплощением самой природы, Нау связывает своим существованием людей и естественную среду обитания, служит неким гарантом этой связи. Сочетание романтического и обыденного становится у писателя важнейшим концептуальным приёмом, подчёркивающим идею родственности всего сущего.

Идея всеобщей взаимосвязи и ответственности человека за судьбу природы явилась одной из главных во многих произведениях национальных писателей последней четверти XX века, что неоднократно подчёркивалось в современных исследовательских работах. Так, например, В. К. Сабирова, размышляя о своеобразии хронотопа романов известного прозаика Ч. Айтматова, делает заключение об их ведущей идейной направленности: «... Человек несёт зло окружающей его природе, люди обречены, если не изменятся. Человеку надо помнить не о том, что он представитель какой-то социально-этнической группы, а о том, что он – Человек, отвечающий за всю Вселенную» [11, с. 179].

Небольшое по объёму произведение Ю. Рытхэу настолько ёмко и в содержательном, и в стилевом аспектах, что по сей день подвергается различным толкованиям в критике, представляет несомненный интерес для дальнейшего всестороннего изучения. Оно органично вплетается в ряд лучших образцов русской философской экологической прозы 70-х годов XX века. Образы его главных героев Нау и Рэу архетипически значимы, сопоставимы с воплощающими природное начало образами-символами произведений Ч. Айтматова («После сказки» – Рогатая мать-олениха), В. Астафьева («Царь-рыба» – царь-осетр), В. Распутина («Прощание с Матёрой» – сказочный хозяин и «царский лиственья»), Н. Шундика («Белый шаман» – Моржовая матерь)... В то же время перед нами книга, так или иначе впитавшая в себя тенденции другого направления литературы – неоромантического, что ещё раз свидетельствует о многосторонности творческих исканий северного прозаика, богатстве и многогранности его художественного дара.

Список литературы

1. **Васильева И. В.** Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века: дисс. ... к. культурологии. М., 2011. 190 с.
2. **Власенко А. Н.** Юрий Рытхэу. М.: Сов. Россия, 1988. 160 с.
3. **Горький А. М.** Рассказы: 1892-1906. М.: Правда, 1984. 496 с.
4. **Епанчинцев Р. В.** Мифологизация северной природы в прозе О. Куваева // Русская речь. 2008. № 3. С. 31-34.
5. **Луков В. А.** История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Академия, 2003. 512 с.
6. **Пахсарьян Н. Т.** Неоромантизм // Культурология: энциклопедия в 2-х томах. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. 1184 с.
7. **Роговер Е.** Поздние романы Юрия Рытхэу [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/4/ro16.html> (дата обращения: 12.06.2014).
8. **Рытхэу Ю.** Когда киты уходят: повести и рассказы. Л.: Советский писатель, 1977. 336 с.
9. **Рытхэу Ю.** Сон в начале тумана: роман. Магадан: Книжное издательство, 1988. 502 с.
10. **Рытхэу Ю.** Уроки гражданственности // Новый мир. № 1. С. 243-245.
11. **Сабирова В. К.** Дискурс хронотопа в романистике Чингиза Айтматова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. I. С. 176-179.
12. **Шпрыгов Ю. М.** Юрий Рытхэу: Истоки и эволюция творчества. Магадан: Книжное издательство, 1979. 144 с.

FEATURES OF NEOROMANTICISM IN THE "MODERN LEGEND" BY Y. RYTKHEU "WHEN THE WHALES LEAVE"

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
frigg@maglan.ru

The article examines not previously investigated in the modern literary criticism problem of influence of the early works by M. Gorky and traditions of writers–neo-romanticists on Y. Rytkheu: the basis of the story "When the Whales Leave" is the exotic subject; the narration focuses on the heroic, extraordinary personalities reconstructed according to the rules of romantic art. Antithesis, images-symbols play an important role in the literary work, allegorical character and fabulousness of the narration are clearly manifested. Neo-romantic features as they are manifested with the northern writer in the peculiar interweaving, integration of a romantic and a real, in the creation of a special mythological space existing beyond the geographical and historical borders.

Key words and phrases: literary tradition; neoromanticism; genre specifics; story-legend; romantic images; mythological model of time; allegorical character of a subject.